
Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разногласье

П.П. ЛИСИЦЫН*

*Павел Петрович Лисицын – кандидат социологических наук, доцент, кафедра сравнительной социологии, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, Россия, fox_sociology@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Цитирование: Лисицын П.П. (2024) Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разногласье // Мир России. Т. 33. № 3. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26

Аннотация

Настоящая статья – первая часть рукописи, посвященной проблемам и противоречиям, возникающим в процессе диалога науки и власти по вопросам миграции. В этой части автор пытается ответить на вопрос, кто же виноват в неэффективности этого диалога – исследователи, государство или все вместе? В основу статьи лег анализ внутринаучных противоречий, касающихся миграции, и барьеров, осложняющих взаимодействие науки и власти. Во второй части текста, запланированного к публикации в следующем номере журнала, автором будут рассмотрены мифы и стереотипы о миграции и миграционной политике, основанные на проблемах диалога между наукой и властью. Представленный анализ, проведенный по результатам современных исследований (А. Портес, С. Кастлз, Д. Мэсси, Н. Глик-Шиллер, С. Сассен), предлагает альтернативу доминирующим сегодня в российской политике научным идеям о миграции конца XX века, описанным М. Тодаро, О. Старком с Д. Блумом или М. Пиоре, а также их российскими последователями. Таким образом, статья, первая часть которой представлена в текущем номере журнала, познакомит читателя с анализом факторов, влияющих на качество диалога между учеными и властью, а завершится в следующем номере десятью предложениями, направленными на повышение его эффективности.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, циркуляционная миграция, коэффициент распространенности миграции, эффект колеи, мифы и стереотипы о миграции

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00467; <https://rscf.ru/project/24-28-00467/>

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в июле 2023 г.

Введение

Идея создания настоящей статьи возникла примерно два года назад. Изначально проблематизация рукописи должна была ограничиться теоретическим дискурсом о внутринаучных противоречиях и их влиянии на диалог с представителями власти. Однако живое обсуждение заявленной проблематики с многочисленными экспертами с обеих сторон этого диалога расширило границы анализа. В частности, стало понятно, что интересующие многих проблемы лежат не только в теоретической, но и в практической плоскости. Это осознание вынудило автора существенно расширить такие разделы текста, как «Разноголосье науки и власти» и «Мифы и стереотипы о миграции», а также внести корректировки в общие выводы работы.

Помимо обсуждений основных тезисов в кругу профессионалов, на окончательную версию статьи оказал влияние и личный опыт автора при взаимодействии с представителями власти. Становясь во время работы над текстом свидетелем обсуждения вопросов миграции среди политиков и чиновников, автор отметил, что эти обсуждения, хотя и затрагивали исключительно российскую повестку, в своем общем виде имели сродство с дискуссиями о миграции, происходившими на заседаниях Статистических обществ Великобритании и Франции еще в конце XIX в. Несмотря на то, что с тех пор прошло без малого 150 лет, текущий характер этих обсуждений (и его сравнение с дискуссиями XIX в.) позволил предположить, что на протяжении всей истории изучения миграции в общественно-политическом сознании представления о миграции во многом основываются на одних и тех же мифах и стереотипах. Между тем, 150-летняя история миграционных исследований даже при условии ее критического восприятия все же демонстрирует некоторую эволюцию предлагаемых ответов на миграционные вызовы.

Таким образом, настоящий текст в своем полном виде представляется не только попыткой уравновесить внутринаучные противоречия миграционных исследований (как это предполагалось изначально), но и попыткой связать теорию и практику миграционных процессов за счет (1) демонстрации необоснованности ряда мифологизированных представлений о миграционных процессах; (2) актуализации в общем виде «дорожной карты» для тех, кто собирается найти ответы на актуальные практические вопросы миграции и миграционной политики.

Постановка проблемы

В 1885 г., выступая на заседании Королевского Статистического общества, британский дипломат С. Боурн¹ впервые официально призвал представителей науки и власти наладить диалог в области миграции для «определения путей будущего процветания страны» [Discussion 1885, p. 234]. С тех пор прошло почти 150 лет. Текущая оценка этого диалога обеими сторонами пессимистична, а его содержание по большей части состоит из взаимных обвинений в ошибках. Ученые возмущены неискоренимостью иррациональных мифов, страхов и стереотипов о миграции в политическом пространстве, представители власти – неспособностью

¹ Frederick Samuel Augustus Bourne (1854–1940) – британский дипломат.

науки предложить эффективные инструменты повышения выгод и снижения рисков от процесса миграции. Вместе с тем общий пессимистический взгляд как на текущее состояние этого диалога, так и на его перспективы, не учитывает три вселяющих оптимизм допущения.

Первое заключается в том, что миграционная политика лишь отчасти предполагает публичность [Massey 2003], в целом формируясь за закрытыми дверями государственных кабинетов. При этом публичной сфере, как правило, принадлежит ее репрессивная составляющая, которая выгодно использует в своих обоснованиях мифы и стереотипы, свойственные трайболизированному представлению [Banerjee, Duflo 2019] о миграции у доминирующих электоральных групп. Например, в России на научных и общественно-политических площадках широко представлены дискуссии, предвещающие ужесточение контроля над пересечением границ, над сдачей государственных экзаменов и т. п. В то же время фактически отсутствуют обсуждения, предшествующие введению новых законов о расширении прав мигрантов или упрощающих нахождение последних на принимающей территории. Это допущение позволяет подвергнуть сомнению тезис, выдвинутый со стороны ученых, о существовании неискоренимых стереотипов о миграции у представителей политического мира. В данном случае оптимизм вселяет то, что помимо публичных существуют и скрытые от анализа основания для миграционной политики.

Второе допущение связано с существованием значимого временного разрыва между сбором и анализом исследовательских данных, а также их последующим применением в политике национальных государств. При этом, принимая во внимание постоянные перемены в финансовых и производственных, логистических и политических, научных и технологических системах, нет ничего удивительного в том, что выявленные закономерности миграционного поведения одного периода не вполне подходят другому. Например, начавшаяся в пятидесятые годы XX в. политика «гастарбайтеров» опиралась на мальтузианские представления [Malthus 1798] середины XIX в., сменившая ее политика культурной ассимиляции основывалась на идеях классической экономики [Ricardo 1815] начала XX в., а появившаяся в семидесятые годы политика мультикультурализма использовала принципы неоклассической экономики [Stark, Bloom 1985; Todaro 1976] середины прошлого столетия. Настоящее допущение подвергает сомнению тезис представителей власти о невозможности науки предложить инструменты повышения выгод и снижения рисков от процесса миграции, предполагая важной причиной возможных провалов различных политик несвоевременность применения предложенных инструментов.

И наконец, третье допущение связано с тем, что сторонники пессимистического взгляда на диалог ученых и власти упустили из виду значимый оптимистичный факт, заключающийся в одновременном развитии восприятия миграции и в науке, и в политике. Например, высказывание С. Боурна, считающееся новаторским для 1885 г., о том, что «власти должны уделять существенное внимание исследованиям миграции» [Discussion 1885, p. 234], выглядело бы самоочевидным сегодня, когда повсеместно открыты Комитеты по вопросам миграции, когда, например, в России, миграционная политика объявлена одним из национальных приоритетов. В современном мире уже сами собой разумеющимися выглядят утверждения о том, что «миграция – это экзистенциальный сдвиг, затрагивающий каждую

сторону человеческой жизни» [Castles 2003, p. 20], что «миграция – это всегда <...> преобразования как в отправляющих, так и в принимающих обществах» [Portes 2010, p. 1544]. Ни политиков, ни ученых уже не удивляют количественные прогнозы, в которых говорится, что благодаря миграции доля городских жителей к 2025 г. достигнет 60% [Massey 2002]. Это одновременное для двух сфер постепенное осознание миграции как значимого и сложного социального процесса было бы невозможно без взаимного интереса науки к политике, а политики к науке.

Однако, подвергая сомнению принятые пессимистические оценки диалога между учеными и властью, эти допущения не отменяют общей проблемы, связанной с тем, что применение научных выводов в миграционной политике не удовлетворяет ни политиков², ни ученых [Рязанцев 2019].

Данная статья представляет собой попытку наметить пути решения этой проблемы, ответив на сформулированный одним из ведущих современных исследователей миграции вопрос: в чем заключается ее основа, «может быть, что-то не так с исследованиями, <...> может быть, что-то не так с политикой, <...> или что-то не так со всем сразу?» [Castles 2009, p. 1].

В основу исследования лег анализ внутринаучных противоречий о миграции, анализ барьеров, осложняющих взаимодействие науки и власти, а также, анализ мифов и стереотипов о миграции и миграционной политике. Текст начинается с анализа факторов, влияющих на качество диалога между учеными и властью (настоящая статья), и завершается предложениями по повышению его эффективности (статья в следующем номере журнала).

Также отметим, что настоящий текст, основанный на результатах современных исследований [Portes 2010; Castles 2010; Massey 2006; Glick Shiller 2023], предлагает альтернативу доминирующим сегодня в российской политике научным идеям о миграции конца XX в., описанным М. Тодаро, О. Старком с Д. Блумом или М. Пиоре [Todaro 1976; Stark, Bloom 1985; Piore 1979], а также их российскими последователями [Калашиников 2018]. Это позволяет надеяться, что, попав в поле зрения политиков, представленный анализ позволит сократить существующий в России 40-летний разрыв между временем создания миграционных теорий и их практическим применением.

Противоречия внутри научных теорий

В 1968 г. Р. Мертон для второго издания своей работы «Социальные теории и социальная структура» использовал эпиграфом утверждение А.Н. Уайтхеда³, что «подойти очень близко к истинной теории и понять ее точное применение – разные вещи» [Merton 1968, p. 1]. Это утверждение подчеркивает два важных обстоятельства. Первое – возможности применения теории ограничены; второе – не все, что называют теорией, на самом деле ею является. Несмотря на то, что для настоящего текста важны оба обстоятельства, первую часть этой статьи, посвященную внутренним проблемам научных теорий, необходимо начать со второго обстоятельства.

² Катастрофический характер: в Госдуме оценили миграционную политику в России (2023) // Новый день. 11 июля 2023 // <https://newdaynews.ru/moscow/800654.html>, дата обращения 15.10.2023.

³ Alfred North Whitehead (1861–1947) – британский математик, философ.

История социальных учений описывает множество попыток определить критерии «истинной» теории. Среди тех, кто пытался это сделать, были в том числе и исследователи миграции. Например, А. Портес выделял четыре компонента, свойственные настоящей теории [Portes 1997, p. 807], а Дж. Аранго определял ее как «набор логически взаимосвязанных утверждений, из которых могут быть выведены эмпирически проверяемые факты» [Arango 2000, p. 295]. Как и другие попытки, их предложения в своей основе содержат одно общее положение о том, что анализ данных или фиксация эмпирических фактов автоматически не создают теорий [Portes 1997, p. 801].

Между тем, в политическом и общественном пространствах с миграционной теорией часто путают именно набор фактов, например, «китайцы селятся в отдельных районах» [Portes 1997, p. 807] или «мигранты делятся на группы» (по какому-то признаку) [Kuprina, Sandler 2015]. Такие утверждения, как правило, являются верными для одних исследовательских кейсов и ложными для других. Если рассматривать их как простые эмпирические обобщения, становится очевидным, что в противоречащих им новых данных нет проблемы, но есть многообразие случаев. Однако если предполагать эти утверждения в качестве миграционных теорий, формируется ложное впечатление о существовании неразрешимых противоречий.

Вместе с тем неверно было бы утверждение, что противоречий в миграционных теориях нет вовсе. Однако проблемы теорий миграции определяются не существованием противоречивых данных, а наличием, с одной стороны, объяснений, противоречащих этим данным, с другой, – противоречивостью самих объяснений по отношению друг к другу. Эти два вида противоречий, в свою очередь, являются следствием существующих расхождений в метатеориях и особенностей сбора и обработки данных.

Метатеории как причина противоречий

Развитию миграционных теорий в разные периоды времени сопутствовали новые повороты в общественных науках. Напрямую не связанные с миграционными процессами, они тем не менее задавали общее направление исследовательской моде [Kwa 2011]. Эту моду вслед за Д.К. Гэлбрейтом можно было бы назвать «общепринятой мудростью» [Galbraith 1958], ориентируясь на А. Грамши, – «здравым смыслом» [Gramsci 1971], а используя терминологию Т. Парсонса, – «метатеорией» [Parsons 1979]. Между этими терминами существует множество различий, но для настоящей статьи важна их общая черта. Все они описывают «что-то настолько очевидное, что с этим даже не нужно спорить» [Castles 2009, p. 2], однако эта бесспорность всегда существует лишь ограниченное время [Yurchak 2006].

Подходящие примеры легко можно найти и в общественном, и в научном пространстве. В частности, сегодня ошибочными считаются еще недавно применяемые практики телесного наказания для воспитания детей или незыблемые для 1960-х гг. представления о безвредности курения [Castles 2009, p. 2]. Для научного пространства примерами могут служить доминирующие в разное время принципы человеческого поведения, часто предполагавшие диаметрально противоположные суждения. Кардинальное изменение в восприятии этих принципов, заложенных

в том числе в основу исследований миграции, в свою очередь приводило к противоречиям уже внутри миграционных теорий разных уровней.

Сегодня можно выделить ряд подобных метатеоретических поворотов, существенно менявших исследовательские представления о миграции.

Во-первых, это переход от классического к неоклассическому подходу. Ко второй половине XX в. неоклассическая теория вышла за рамки экономической дисциплины [Лисицын, Резаев, Степанов 2024]. Превратившись в метатеоретическое основание для большого круга ученых, она предложила замену принципам классической экономики, господствовавшим два предыдущих столетия. Неоклассики скорректировали общие представления о равновесном состоянии социальных систем как основе общественного блага, переосмыслили роль государственного регулятора в его достижении, прописали принцип предельной полезности и ввели допущения к постулатам *laissez-faire*. В результате этих изменений миграция перестала рассматриваться как автономный феномен. Исследователи начали видеть в ней комплексный процесс, зависящий от общего состояния системы капиталистической экономики. Этот поворот в восприятии миграции научным сообществом заложил фундамент для критики [Arango 2000] фрагментарности, а иногда и противоречивости миграционных теорий разных периодов.

Второй поворот связан с изменениями в оценке места человека в социальной структуре. До второй половины XX в. исследования миграции, основанные на принципах социальной физики, девальвируя значение индивидуальных решений, в центр анализа ставили структурные законы социального мира [Connell 1997]. Исследования, пришедшие им на смену [Harris, Todaro 1970; Zelinsky 1971; Stark, Bloom 1985], напротив, базировались на анализе решений, принимаемых отдельными лицами или домохозяйствами. Более поздние проекты снова обратились к «дискредитации индивидуальных решений» [Massey 1999, p. 38] в пользу социально-экономической структуры. Однако основы для этого служили уже не доминирующие принципы социальной физики, а внутренние потребности современного индустриального общества в рабочей силе [Piore 1979] или географическое распределение труда и политические механизмы власти и подчинения [Stern 1988]. Современные исследователи предпринимают попытки одновременного включения в анализ факторов агентности и структуры. Сегодня значимой считается определенная Дж. Александером максима «методологического индивидуализма» [Heath 2020], предполагающая, что изучать макро-социальные явления необходимо, привлекая и микрооснования [Alexander 1987]. Усложнились и текущие обоснования структурных факторов: одновременно ряд ведущих исследователей, таких как А. Портес и Д. Уолтон, С. Сассен или Е. Моравска видят его в «конфликте, вызванном проникновением капиталистических отношений в некапиталистические общества» [Massey 1999, p. 41].

Дискуссия о месте человека в социальной структуре и основанные на разных ее полюсах представления о миграции не столько сменяли друг друга, сколько могли сосуществовать, причем сегодня – все чаще в рамках одного исследования. Между тем это противостояние в определении роли структуры и агентности пока еще воспринимается критиками как важный маркер противоречивости различных миграционных теорий.

Третий поворот демонстрирует смену принципов методологического национализма на аналитические принципы глобальности. Изначально считалось, что

в основе методологического национализма лежит представление о том, что мир разделен на «автономные (контейнерные) общества» [Castles 2003, p. 13], заключенные в национальные границы. В то время как в основе принципов глобальности, напротив, мир воспринимается как набор соподчиненных элементов, в том числе и национальных государств. Последнее представление берет свое начало в традициях мир-системного анализа [Wallerstein 2011] и теории зависимости [Prebich 1959], предполагающей «международный порядок, основанный на существовании <...> промышленно развитых и периферийных <...> стран, связанных неравномерными и асимметричными отношениями» [Arango 2000, p. 285].

Современные европейские исследователи, такие как А. Виммер и Н. Глик Шиллер, рассматривая проблематику методологического национализма и ее соотношения с принципами глобальности, утверждают, что одно не обязательно противостоит другому. «Национальные государства в настоящее время – пишут они – скорее перестраиваются, чем разрушаются <...>, а, то что, национальные границы и национализм совместимы с глобализацией стало слишком очевидным» [Wimmer, Glick Shiller 2002, p. 301].

Эти изменения, приведшие к восприятию мира как глобальной системы, и более поздние трансформации восприятия самого глобального мира [Eisenstadt 2000; Федотова 2018; Габарта 2018] в свою очередь предоставили новый повод критикам для обвинения миграционных теорий в противоречивости, внося ряд корректировок в их аналитические принципы. Во-первых, теории, основанные на принципах глобальности (в отличие от предшествующих), не рассматривали принимающие и отправляющие мигрантов области как априори антагонистичные по своим характеристикам Portes, Böröcz 1989, p. 625]. Во-вторых, восприятие глобального мира позволило рассматривать мигрантов как нейтральных участников общественных процессов, а не как исключительно «опасных людей» [Connell 1997], требующих усиленного контроля и ассимиляции [Castles 2009, p. 8]. И наконец, эти изменения сместили исследовательский фокус с внутренней миграции на международную, предоставив возможность последней стать «важным звеном в системе общемировых перемен» [Castles 2009, p. 8].

Четвертый поворот характеризует изменения в восприятии современности. На одном полюсе этих представлений она воспринимается как идеология успешного западничества, на противоположенном – как одна из форм участия в общественной жизни. Современность в первом случае определяется как социально-экономический эталон. Главенствующей являлась идея, что «прогресс и позитивные изменения могут произойти только в случае принятия культурных рамок, свойственных развитым обществам» [Portes 1973, p. 252]. В теории миграции в качестве традиционных обществ рассматривались регионы-доноры, в качестве современных – регионы-реципиенты [Stark, Bloom 1985; Harris, Todaro 1970].

Современность как форма участия в общественной жизни рассматривается через модели «потребления товаров, взаимодействия со средствами массовой информации и участия в политических процессах» [Portes 1973, p. 256]. В этом восприятии противостояние современности и традиционности заключается, с одной стороны, в стремлении человека к саморазвитию и самореализации, а с другой стороны, в самопожертвовании и дисциплине.

Поворот, произошедший в понимании современности, существенно повлиял на теории миграции, заставив переосмыслить фундаментальную роль прогресса,

модернизации и развития при анализе миграционного поведения. Во-первых, изменилось представление о том, что миграция как проводник современности для традиционных обществ автоматически способствует экономическому развитию последних. Напротив, понимание современности как модели потребления, направленной на саморазвитие и самореализацию, скорее, видится тормозом ускоренного экономического развития, требующего самопожертвования и дисциплины. Во-вторых, произошли изменения в оценке влияния уровня экономического развития регионов на миграцию. Так, представление о том, что экономическое развитие региона замедляет миграцию, сменилось на противоположное. Эти трансформации, произошедшие относительно недавно, внесли существенные коррективы в современные теории миграции, создав предпосылки для осознания того, что современность и развитие – это не одно и то же, и что стремление к одному не обязательно совпадает с достижением другого [Терещенко, Гринь 2021].

И наконец, последний рассматриваемый нами поворот скорее характеризует будущие возможные противоречия в исследованиях миграции, чем иллюстрирует текущие. Эти изменения связаны с попытками исследователей представить человеческое поведение не только как продукт рациональных решений, но и как результат эмоциональной динамики. Получив свое развитие в междисциплинарных областях, в исследованиях нейропсихологов и психофизиологов [Carter 1998], эти идеи уже включаются в программные речи президентов социологических ассоциаций. «Если социология хочет развиваться, – заявляет Д. Мэсси в своем президентском послании к членам ASA (The American Sociological Association), – ее исследования и теории должны уделять особое внимание взаимодействию между рациональным и эмоциональным интеллектом» [Massey 2002, p. 1]. Исследователям миграции от грядущего поворота стоит ожидать двух существенных изменений: (1) пересмотра теорий миграционного поведения и роли индивида в принятии миграционных решений; (2) критических замечаний к предыдущим теориям, основанных на обвинениях в рационализации описываемых событий, то есть в попытках представлять любое «действие, даже то, которое на самом деле являлось просто исполнением импульса, результатом рационального решения» [Carter 1998, p. 41]. Подчеркнем, что сегодня подобные попытки переосмысления или критические замечания еще не встречаются в работах по миграции, однако, если прогноз окажется верен, современная эпоха внесет свою лепту в ощущение противоречий в теориях миграции.

Данные как причина противоречий

Помимо метатеоретических поворотов подспорьем для критики теорий миграции являются особенности, присущие сбору и обработке миграционных данных. При этом если метатеоретические повороты по большей части маркируют противоречия между различными теориями, то особенности сбора данных – противоречия между теориями и фиксируемой реальностью. Например, изменения в сборе эмпирических данных, характерные для современности, послужили основой для критики объяснительных моделей второй половины XX в., материалы которых в свою очередь ставили под сомнение выводы их предшественников.

Со второй половины XX в. в исследованиях миграции начинают происходить значительные изменения в возможностях сбора и обработки данных, чему способствовали три тенденции. Первая – произошедшее существенное расширение функций надгосударственных объединений [Ионцев 1999, с. 11], значительно упростившее сбор обширных эмпирических данных. Например, по окончании Второй мировой войны исследованиями миграции начинают активно заниматься международные организации, такие как МОМ (Международная организация по миграции – International Organization for migration)⁴, ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития – Organization for Economic Co-operation and Development)⁵, Мировой Банк (The World Bank)⁶, ООН (United Nations). В рамках последней были организованы специальные подразделения – Международная организация по туризму (World Tourism Organization A United Nations Special Agency)⁷, ЮНФПА (Фонд ООН в области народонаселения – United Nations Population Fund)⁸ и УВКБ (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (The United Nation Refugee Agency)⁹. Вторая тенденция заключалась в попытках устранения выявленных барьеров в сборе и обработке уже широко применяющихся демографических данных. Так, в 1953 г. в рамках ООН принимаются классификация основных групп мигрантов [International Migration Statistics 1953], а в 1949 г. документ, определяющий термин «трудящиеся-мигранты»¹⁰; в 1951 г. регламентируется понятие «беженец»¹¹. Третья тенденция состояла в развитии методов сбора информации. Вот как в 1985 г. пишут О. Старк и Д. Блум: «Недавние эмпирические исследования <...> миграции принесли пользу не за счет появившихся в них новых теоретических идей, а за счет предложенных ими новых методов сбора информации <...> среди них, методы анализа качественных зависимых переменных, методы, корректирующие смещение выборки, методы лонгитюдных и псевдо-лонгитюдных исследований (longitudinal and pseudo-longitudinal data)» [Stark, Bloom 1985, p. 176].

В новейшей истории, когда ключевым элементом в процессе создания теории признана работа с данными¹², когда существенно расширились возможности их сбора и обработки, кажется, что эмпирические проблемы ушли в прошлое. Однако это не так, и существующие современные особенности (проблемы) полевых исследований миграции по-прежнему являются основой для критического взгляда, фиксирующего разрыв между теорией и реальностью. К числу таких особенностей можно отнести:

⁴ <https://www.iom.int/>

⁵ <https://www.oecd.org/>

⁶ <https://www.worldbank.org/en/home>

⁷ <https://www.unwto.org/>

⁸ <https://www.unfpa.org/>

⁹ <https://www.unhcr.org/>

¹⁰ Конвенция Международной организации труда № 97 о трудящихся-мигрантах (Женева, 8 июня 1949 г.) (1949) // *Zakon.kz* // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1018307, дата обращения 15.10.2023.

¹¹ Конвенция ООН о статусе беженцев (1951) // Информационная компания «Кодекс» // <https://docs.cntd.ru/document/1900366>, дата обращения 15.10.2023.

¹² Например, премии памяти Альфреда Нобеля по экономике в 2019 г. (М. Крамер, А. Банерджи и Э. Дюфло) и в 2021 г. (Д. Кард, Дж. Ангрис, Г. Имбенс) были вручены в том числе за методологический вклад в анализ причинно-следственных связей, который «обеспечил <...> мощный <...> методологический инструментарий <...> для последующих академических изысканий» [Овчинников 2020, с. 120].

(1) отсутствие фиксации ряда важных для построения теоретических моделей данных или невозможность интерпретации части наличествующих в связи с их некачественным сбором;

(2) существование «прячущихся» (системно пропущенных) данных;

(3) это непреднамеренное искажение в интерпретациях уже собранного эмпирического материала.

«К сожалению, из трех источников демографических изменений: рождаемости, смертности и миграции, последний наименее надежно измерен и наиболее плохо изучен» [Massey 2004, p. 206]», – утверждал Д. Мэсси, подчеркивая актуальность проблемы недостатка информации о миграции. Современным ученым не хватает данных о небольших этнических анклавах, о позиции женщин в рамках трудовой миграции, о возвратной и циркуляционной миграции [Massey, Akresh 2006, p. 955; Meehan et al. 2022]. В России исследователи сталкиваются с отсутствием в текущем учете мигрантов данных об этнической идентичности, о месте рождения родственников [Ryazantsev 2016; Рязанцев, Мищук 2020], о процессах выбытия из страны [Мкртчян 2007; Чудиновских 2018]. Существует проблема сравнительного анализа данных в связи с тем, что учет мигрантов производится разными ведомствами с применением различных методик [Чудиновских 2001], с тем, что часть данных носит закрытый характер. Исследовательским проектам «не хватает репрезентативных лонгитюдных исследований» [Portes 2003, p. 889], не достает дополнения количественных данных этнографическими [Рязанцев 2019]. Все это, по мнению Н. Мкртчяна, приводит к тому, что исследовать миграцию, например, в России можно лишь приблизительно, а информацию о ней следует применять «очень осторожно, представляя себе все ограничения, с которыми связан ее анализ» [Мкртчян 2007, с. 185].

Проблемы некачественного сбора миграционных данных являются следствием ошибок инструментария и человеческого фактора интервьюеров. Российские исследователи подчеркивают, что проблемы возникают «из-за неэффективных вопросов, <...> неудачных формулировок или <...> из-за неверных подсказок к ним» [Чудиновских 2001], из-за недостаточного количества и качества методической и разъяснительной работы как с интервьюерами, так и с респондентами [Рязанцев, Мищук 2020, с. 23].

В 1983 г. А. Краут весьма красочно описал влияние человеческого фактора на сбор данных, приводя в пример работы иммиграционных инспекторов острова Эллис (США). «У последних, – писал он, – не было времени тщательно изучать документы мигрантов, что приводило к тому, что все немецкие евреи, отвечающие переписчикам: “Schon Vergessen”¹³, превращались в американца Шона Фергюссона» [Kraut 1982, p. 57].

Кроме того, значительным подспорьем для критиков, фиксирующих разрыв между миграционными теориями и реальностью, становится наличие прячущихся данных. Мигранты, например, могут скрываться от анализа рынка труда и прочего статистического учета как неоплачиваемые семейные работники и надомники, как лица, выполняющие домашние обязанности [Акьюлов 2020]. Возрастающее количество субподрядных организаций (например, в России это характерно для строительной отрасли и ЖКХ) также маскирует данные о мигрантах за счет перевода работников с наемного труда на внештатную работу или самозанятость

¹³ Перевод: «я не помню».

[Климов, Сетин 2022]. В категорию прячущихся данных попадает информация о мигрантах, работающих неполный рабочий день, о мигрантах, находящихся в поисках работы, но не зарегистрированных в качестве безработных [Латынина, Латынин 2018]. Кроме того, данные переписи населения недооценивают количество мигрантов, присутствующих в стране без разрешения. Вместе с тем, очевидно, что наличие таких данных, в том числе о «правовом положении мигрантов, <...> является решающим фактором при моделировании социального и экономического поведения» [Massey 2004, p. 207].

Третья проблема, усугубляющая ощущение разрыва между теорией и реальностью, связана с непреднамеренным искажением в интерпретации уже собранных эмпирических данных. Она характерна и для качественного, и для количественного типа исследований. Например, качественная стратегия (часто используемая социальными антропологами для изучения конкретных групп/категорий мигрантов), тяготея к выборке по зависимой переменной, вынуждает исследователей фокусироваться на кейсах, где представляющее интерес явление присутствует, а не тех, где оно отсутствует [Portes 2001, p. 183], что в свою очередь приводит к искажению представлений о масштабах исследуемого явления. Такое заблуждение, например, характерно для исследований транснационализма. Между тем данные, собранные в рамках количественной стратегии и свидетельствующие, например, о том, что с середины XX в. доля мигрантов в мире неизменна и составляет всего 3% [International Migration Report 2017], скрывают существенные перемены, происходившие с миграцией за последние 70 лет [Skeldon 2006], а также напрасно дискредитируют ее значение как двигателя социальных изменений.

Все перечисленные особенности и противоречия, выходя за пределы исключительно научных дискуссий, становятся кирпичиками в фундаменте негативного образа миграционных исследований. Представители политических и силовых структур, публицисты и лидеры общественного мнения, склонны относиться с недоверием к результатам таких исследований, в том числе не понимая, как можно полагаться на науку, которая внутри себя не может прийти к согласию [Banerjee, Duflo 2019].

Однако если на эти противоречия, рожденные в метатеоретических и методологических дискуссиях, смотреть с точки зрения научного анализа, то они перестают быть проблемой, а становятся маркерами, дорожной картой эволюции представлений о мире в целом и о миграции в частности. В ряде случаев они могут характеризовать этапность развития знаний, в других, иллюстрируя неточности и ошибки, позволяют корректировать проекты предстоящих исследований, совершенствовать методы сбора и обработки данных.

В действительности, не создавая неразрешимых проблем внутри научного представления о миграции, восприятие этих противоречий за его пределами служит существенной преградой для эффективного взаимодействия науки и власти. Помимо основы для скептицизма, негативно сказывающегося на возможностях диалога, настоящие противоречия становятся инструментами в руках политиков, позволяя последним, как из ресторанного меню, выбирать «блюда», наиболее подходящие политической кухне конкретного времени или места [Castles 2009, p. 7], приводя к еще большей дискредитации исследовательского продукта. Не исключением в этом вопросе является и российская миграционная политика, которая (по данным экспертных опросов [Лисицын 2009]) часто становится инструментом внешнеполитического давления, а не следствием внутриэкономических потребностей.

Разноголосье науки и власти

Девальвируют научные результаты и исследовательские проекты, формирующие проблемное поле изучения миграции в угоду поддержания диалога с властью. Например, миграционные исследования, реализуемые в рамках программ государственных научно-технических приоритетов¹⁴ или стратегий государственной миграционной политики¹⁵, вынуждают ученых принимать официально заданные пределы восприятия миграции. Базовыми установками в этом случае становятся, например, представления о том, что «миграцию можно регулировать подобно воде из крана, включая и выключая ее по собственному желанию» [Castles 2003, p. 23], что силы, ее контролирующие, заключены внутри национальных границ [Castles 2004, p. 864], что инструментами для этого контроля служат институты федерального уровня [Дежурева, Семенова 2013; Castles 1998, p. 183].

Несмотря на то, что, как справедливо заметил А. Портес (еще в конце XX в.), принятие этих установок является «ценой, которую приходится платить исследователям за участие в реальных процессах, правда в том, что такие исследования <...> дают ограниченный и обедненный продукт» [Portes 1978, p. 470], который и сегодня не компенсируется возрастающим количеством эмпирических данных, собираемых в угоду политическими интересам [Castles 2010, p. 1570].

В рамках такого неравноправного диалога исследователям предлагается в лучшем случае работать в границах официально обозначенных политических парадигм, в худшем – собирать данные, подтверждающие политическую целесообразность уже известных мер регулирования. Причем подобная проблема характерна не только для России. «Большинство политиков и граждан развитых капиталистических стран, – пишет Д. Мэсси, – отлично знают, почему иностранцы стремятся приехать к ним. <...> Они ошибочно полагают, что основой этого переезда служит рациональный расчет затрат и выгод <...> положительный баланс которого и вызывает миграцию» [Massey 2003, p. 24]. Подтверждают этот тезис и высказывания российских политиков. «Безусловно, – утверждает председатель комитета ГД по делам СНГ Л.И. Калашников, – <...> основой, предтечей для миграции являются <...> в первую очередь экономические причины, когда элементарно отсутствует возможность свести концы с концами, прокормить себя, своих родных и близких, что и заставляет человека искать лучшей доли за рубежами той малой родины, где он родился или где он живет» [Калашников 2018, с. 52].

В свою очередь попытки дистанцирования ученых от государства приводят к обратной ситуации – минимизации его значимости для аналитических моделей. Например, теория сегментированного рынка труда [Piore 1979] включает государство только как разработчика правил найма рабочей силы; теория мировых систем [Wallerstein 2011] рассматривает его исключительно как «слугу капиталистических интересов» [Massey 1999, p. 50]; неоклассическая экономика или новая экономика миграции [Stark, Bloom 1985] и вовсе исключают влияние государства из своих моделей.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (2016) // Президент России. 1 декабря 2016 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>, дата обращения 15.10.2023.

¹⁵ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (2018) // Президент России. 31 октября 2018 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>, дата обращения 15.10.2023.

Таким образом, общее стремление к диалогу на протяжении последних 150 лет сталкивается с проблемой разнонаправленного движения его участников. С одной стороны, государство, инициируя этот диалог, оставляет без внимания аналитические модели, выходящие за рамки официально установленных пределов, снижая тем самым его эффективность. С другой, исследователи не наделяют государственный регулятор какими бы то ни было возможностями влияния на миграционные процессы, разрушая тем самым перспективы расширения диалога.

Кроме того, фактором, препятствующим повышению эффективности диалога между наукой и властью, является искаженное представление о возможностях друг друга. Со стороны ученых попытки адаптировать миграционные теории к конкретным ситуациям базируются на том, что правительственные учреждения способны реализовать предложенные ими рекомендации, а также, что эта реализация не столкнется с сопротивлением иных частей государственного регулятора [Кондаков 2015]. Между тем реальный бюрократический аппарат зачастую не в состоянии этого сделать, наталкиваясь на противоречия, свойственные его сложной институциональной структуре.

В свою очередь государству свойственен чрезмерный акцент на собственных внутренних возможностях и недооценка внешних факторов. Например, тот факт, что силы, стимулирующие миграцию, по большей части находятся в транснациональном пространстве [Levitt, Glick Schiller 2004], не уменьшает попыток государства влиять на них за счет внутренних ресурсов. Или факт существования пористых границ, позволяющих поддерживать семейные, социальные и экономические связи с местом исхода [Зинькина и др. 2014; Castles 1998, p. 184] не останавливает государство от попыток гомогенизировать людей, находящихся на его территории, выделяя в качестве основных проблем нежелание или отсутствие времени для ассимиляции [В ГД прошел «правительственный час» 2023].

Сложности, присущие диалогу науки и власти, во многом способствуют появлению временного разрыва между построением миграционных теорий и попытками их практической реализации. Увеличивает этот разрыв и общее свойство социальных теорий «становиться широко признанными в то время, когда явления, которые они объясняли, уже давно эволюционировали» [Portes, Böröcz 1989, p. 606]. Результатом этого является текущая миграционная политика России, Европы или Северной Америки, которая в своих попытках регулировать миграцию ошибочно опирается на устаревший концептуальный аппарат неоклассической экономики, направляя все силы на повышение издержек и снижение выгод от процесса миграции [Шорохова 2019; Massey 2003, p. 27].

Вторая часть статьи будет опубликована в № 4 журнала «Мир России».

Список источников

- Акьюлов Р.И. (2020) Теневая экономика и нелегальная миграция: проблемы и перспективы регулирования // Дискуссия. № 102. С. 50–58. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10082
В ГД прошел «правительственный час» с участием руководителя Федерального агентства по делам национальностей Игоря Барина (2023) // Государственная дума РФ. 24 мая 2023 // <http://duma.gov.ru/news/57139/>, дата обращения 15.10.2023.

- Габарта А. (2018) Концепции «разнообразия капитализма» на примере Польши // Современная Европа. № 7. С. 141–151 // <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2018/7-2018/12.pdf>, дата обращения 12.10.2023.
- Дегтярева О.С., Семенова Е.С. (2022) Проблемы статистической оценки миграции // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. Т. 61. № 3. С. 35–40. DOI: 10.47581/2022/IE.3.61.06
- Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Андреев А.И. (2014) Структура глобальной миграционной сети и динамика изменения Мир-системы // Вестник МГУ. Серия 14. № 1. С. 18–32 // <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-globalnoy-migratsionnoy-seti-i-dinamika-izmeneniya-mir-sistemy/viewer>, дата обращения 15.10.2023.
- Ионцев В.А. (1999) Международная миграция: населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ.
- Калашников Л.И. (ред.) (2018) СНГ и современная миграционная политика. М.: Издание Государственной Думы.
- Климов С.Н., Сетин А.Н. (2022) Внутренняя миграция как каузальная детерминанта становления прекариата // Общество: философия, история, культура. № 1. С. 23–27. DOI: 10.24158/fik.2022.1.2
- Кондаков А. (2015) Возможности взаимодействия между акторами в миграционной политике // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 4. С. 174–185 // http://jourssa.ru/files/volumes/2015_4/Kondakov_2015_4.pdf, дата обращения 15.10.2023.
- Латынина Н.А., Латынин Д.А. (2018) Анализ и оценка влияния миграции в РФ на ВВП и безработицу // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. Т. 31. № 5. С. 63–75 // <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-vliyaniya-migratsii-v-rf-na-vvp-i-bezrabotitsu.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Лисицын П.П. (2009) Социологический анализ тенденций миграционной политики РФ // Вестник СПбГУ. Серия 12. Т. 2. № 1. С. 124–129 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-tendentsiy-migratsionnoy-politiki-rf>, дата обращения 15.10.2023.
- Лисицын П.П., Резаев А.В., Степанов А.М. (2024) Поиски равновесного состояния в миграционной теории // Экономическая социология. Т. 25. № 1. С. 137–160. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-1-137-160
- Мкртчян Н. (2007) Статистические источники информации о миграции населения в России // Методология и методы изучения миграционных процессов. М.: Центр миграционных исследований. С. 184–209.
- Рязанцев С.В. (2019) Видит ли миграционная политика России человека? (антропологическое измерение российской миграционной политики) // Вестник ТГУ. № 59. С. 167–177. DOI: 10.17223/19988613/59/22
- Рязанцев С.В., Мишук С.Н. (2020) Подходы к учету гражданства и этничности мигрантов в России // Научное обозрение. Серия 1. № 5. С. 18–31. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-02
- Терещенко О.В., Гринь М.В. (2021) Глобализационные процессы современности и устойчивое развитие // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 9. С. 62–64. DOI: 10.23672/n8405-0678-8860-w
- Федотова В.Г. (2018) Социокультурные образы модернизации конца XX – начала XXI века: Россия и мир // Философия и современность. № 2. С. 59–73. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.6
- Чудновских О.С. (2001) Текущий учет миграции в России: оценка качества и поиск альтернатив // Витковская Г., Зайончковская Ж. (ред.) Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции 8–9 сентября 2000 г. СПб.: Адамант. С. 187–215.
- Чудиновских О.С. (2018) Большие данные и статистика миграции // Вопросы статистики. Т. 2. № 25. С. 48–56 // <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/629/545>, дата обращения 15.10.2023.
- Шорохова С.П. (ред.) (2019) Государственная миграционная политика Российской Федерации. М.: Институт мировых цивилизаций.

- Alexander J.C. (1987) *The Micro-macro Link*, Berkeley: University of California Press.
- Arango J. (2000) *Explaining Migration: A Critical View* // *International Social Science Journal*, vol. 52, no 165, pp. 283–296. DOI: 10.1111/1468-2451.00259
- Banerjee A., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times*, New York: Public Affairs.
- Carter R. (1998) *Mapping the Mind*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Castles S. (1998) *Globalization and Migration: Some Pressing Contradictions* // *International Social Science Journal*, vol. 50, no 156, pp. 179–186. DOI: 10.1111/1468-2451.00122
- Castles S. (2003) *Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation* // *Sociology*, vol. 1, no 77, pp. 13–34. DOI: 10.1177/0038038503037001384
- Castles S. (2004) *The Factors that Make and Unmake Migration Policies* // *International Migration Review*, vol. 3, no 38, pp. 852–884. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00222.x
- Castles S. (2009) *Development and Migration-migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences*. *Theoria*, vol. 56, no 112, pp. 1–31. DOI: 10.3167/th.2009.5512102
- Castles S. (2010) *Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1565–1586. DOI: 10.1080/1369183X.2010.489381
- Connell R.W. (1997) *Why Is Classical Theory Classical?* // *American Journal of Sociology*, vol. 102, no 6, pp. 1511–1557. DOI: 10.1086/231125
- Discussion on Mr. Ravenstein's Paper (1885) // *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no 2, pp. 167–235.
- Eisenstadt S.N. (2000) *Multiple Modernities* // *Daedalus*, vol. 129, no 1 // https://www.amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Daedalus_Wi2000_Multiple-Modernities.pdf, дата обращения 15.10.2023.
- Galbraith J.K. (1958) *The Affluent Society*, London: Hamish Hamilton.
- Glick Shiller N. (2023) *Connecting Place and Placing Power: A Multiscalar Approach to Mobilities, Migrant Services and the Migration Industry* // *Mobilities*, vol. 4, no 4, pp. 677–690 // <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450101.2023.2229051>, дата обращения 15.10.2023.
- Gramsci A., Hoare Q., Nowell-Smith G. (1971) *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*, London: Lawrence & Wishart.
- Harris J.R., Todaro M.P. (1970) *Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis* // *The American Economic Review*, vol. 60, no 1, pp. 126–142 // <https://www.aeaweb.org/aer/top20/60.1.126-142.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Heath J. (2020) *Methodological Individualism*. Metaphysics Research Lab, Stanford University.
- International Migration Report (2017) // United Nations // https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf, дата обращения 15.10.2023.
- International Migration Statistics: Organization and Operation Recommended Standards Sampling (1953). *Statistical papers. Series M. 20*. New York: Statistical Office of the UN, Department of Economic Affairs.
- Kraut A.M. (1982) *The Huddled Masses, the Immigrant in American Society, 1880–1921*, Arlington Heights, IL: Harlan Davidson.
- Kuprina T.V., Sandler M. (2015) *Common and Specific Features of Migration flows in Russia, CIS, and Far Abroad* // *Region Economy*, no 2, pp. 194–207. DOI: 10.17059/2015-2-16
- Kwa C. (2011) *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*, University of Pittsburgh Press.
- Levitt P., Glick Schiller N. (2004) *Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society* // *International Migration Review*, vol. 38, no 3, pp. 1002–1039 // <https://globaldecentre.org/wp-content/uploads/2020/07/Levitt-Glick-Schiller-Conceptualizing-Simultaneity-A-Transnational-Social-Field-Perspective-on-Society.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Malthus T.R. (1798) *An Essay on the Principle of Population as It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin M. Condorcet and Other Writers* (1 ed.), London: J. Johnson in St Paul's Church-yard.

- Massey D. (1999) Why Does Immigration Occur! A Theoretical Synthesis // The Handbook of International Migration: The American Experience, pp. 34–52 // https://eportfolios.macaulay.cuny.edu/pony2014shama/files/2014/02/Kaczmarczyk_Reading-1.pdf, дата обращения 15.10.2023.
- Massey D. (2002) A Brief History of Human Society: The Origin and Role of Emotion in Social Life, 2001 Presidential Address // American Sociological Review, vol. 67, pp. 1–29 // https://www.asanet.org/wp-content/uploads/2001_asa_presidential_address_massey_0.pdf, дата обращения 15.10.2023.
- Massey D. (2003) Patterns and Processes of International Migration in the 21st Century // Conference on African Migration in Comparative Perspective, pp. 1–41.
- Massey D. (2004) Social and Economic Aspects of Immigration // New York Academy of Sciences, vol. 1038, pp. 206–212. DOI: 10.1196/annals.1315.028
- Massey D., Akresh I. (2006) Immigrant Intentions and Mobility in a Global Economy: The Attitudes and Behavior of Recently Arrived U.S. Immigrants // Social Science Quarterly, vol. 87, pp. 954–971. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00410.x
- Meehan T.D., Saunders S.P., DeLuca W.V. et al. (2022) Integrating Data Types to Estimate Spatial Patterns of Avian Migration across the Western Hemisphere // Ecological Applications, vol. 32, no 7, pp. e2679. DOI: 10.1002/eap.2679
- Merton R.K. (1968) Social Theory and Social Structure, New York: The Free Press.
- Parsons T. (1979) On Theory and Metatheory // Humboldt Journal of Social Relations, vol. 7, no 1, pp. 5–16.
- Piore M.J. (1979) Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. (1973) Modernity and Development: A Critique // Studies in Comparative International Development, vol. 8, pp. 247–279 // <https://link.springer.com/article/10.1007/BF02800432>, дата обращения 15.10.2023.
- Portes A. (1978) Toward a Structural Analysis of Illegal (Undocumented) Immigration // International Migration Review, vol. 4, no 12, pp. 469–484. DOI: 10.2307/2545446
- Portes A. (1997) Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // International Migration Review, vol. 4, no 31, pp. 799–825 // <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/019791839703100402>, дата обращения 15.10.2023.
- Portes A. (2001) Introduction: The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism // Global Networks, vol. 1, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1111/1471—0374.00012
- Portes A. (2003) Conclusion: Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism // International Migration Review, vol. 3, no 37, pp. 874–892. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2003.tb00161.x
- Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 10, no 36, pp. 1537–1563 // <https://www.migrationinstitute.org/files/events/portes.pdf>, дата обращения 15.10.2023.
- Portes A., Böröcz J. (1989) Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on Its Determinants and Modes of Incorporation // International Migration Review, vol. 3, no 23, pp. 606–630 // <https://www.jstor.org/stable/2546431?typeAccessWorkflow=login>, дата обращения 15.10.2023.
- Prebisch R. (1950) Theoretical and Practical Problems of Economic Growth, New York.
- Ricardo D. (1815) An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock, London: Albemarle Street.
- Ryazantsev S.V. (2016) Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis // Valdai Papers, no 55, pp. 1–19 // <https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-55-labour-migration-from-central-asia/>, дата обращения 15.10.2023.
- Skeldon R. (2006) Interlinkages between Internal and International Migration and Development // Asian Region. Population, Space and Place, no 12, pp. 15–30. DOI: 10.1002/PSP.358
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration // The American Economic Review, vol. 75, no 2, pp. 173–178 //

- <https://www.semanticscholar.org/paper/The-new-economics-of-labor-migration-Stark-Bloom/63dd904d64b11a20400309e54d0c14d687cce026>, дата обращения 15.10.2023.
- Stern C. (1988) Some Methodological Notes on the Study of Human Migration. International Migration Today, Bélgica, UNESCO, University of Western Australia, Centre for Migration and Development Studies.
- Todaro M.P. (1976) Internal Migration in Developing Countries, Geneva: International Labor Office.
- Wallerstein I. (2011) The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914, University of California Press.
- Wimmer A., Glick Shiller N. (2002) Methodological Nationalism and Beyond: Nation-state Building, Migration and the Social Sciences // Global Networks, vol. 2, no 4, pp. 301–334. DOI: 10.1111/1471-0374.00043
- Yurchak A. (2006) Everything Was Forever until It Was no More. The Last Soviet Generation, Princeton University Press.
- Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review, vol. 61, no 2, pp. 219–249. DOI: 10.2307/213996

From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part 1: Problems

P.P. LISITSYN*

*Pavel P. Lisitsyn – PhD in Sociology, Associate Professor of Comparative Sociology, Chair, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, fox_sociology@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Citation: Lisitsyn P.P. (2024) From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part 1: Problems. *Mir Rossii*, vol. 33, no 3, pp. 6–26 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26

Abstract

This is the first part of a paper devoted to the problems and contradictions arising in the dialogue between science and government on migration issues. This part addresses the question: who is to blame for the inefficiency of this dialogue: researchers, the state, or both? The article is based on the analysis of internal scientific contradictions about migration and the analysis of barriers complicating the interaction of science and the state. In the second part of the paper, scheduled for publication in the next issue of the journal, the author examines the myths and stereotypes about migration and migration policy based on the problems of dialogue between science and state. The analysis is based on the conceptual and theoretical framework developed by Portes, Castles, Massey, Glick-Schiller, and Sassen. The paper shows an alternative understanding

This article was prepared within the research project № 24-28-00467 Russian Science Foundation (RSF), <https://rscf.ru/en/project/24-28-00467/>

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in July 2023.

of the migration process and migration policy to the dominating understanding in contemporary Russian politics (based on late 20th-century ideas described by Todaro, Stark, Piore, and their Russian followers).

Keywords: migration, migration policy, circulation migration, the migration prevalence ratio, path dependence, migration myths and stereotypes

References

- Akyulov R.I. (2020) Shadow Economy and Illegal Migration: Problems and Prospects of Regulation. *Discussion*, no 102, pp. 50–58 (in Russian). DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10082
- Alexander J.C. (1987) *The Micro-macro Link*, Berkeley: University of California Press.
- Arango J. (2000) Explaining Migration: A Critical View. *International Social Science Journal*, vol. 52, no 165, pp. 283–296. DOI: 10.1111/1468-2451.00259
- Banerjee A., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times*, New York: Public Affairs.
- Carter R. (1998) *Mapping the Mind*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Castles S. (1998) Globalization and Migration: Some Pressing Contradictions. *International Social Science Journal*, vol. 50, no 156, pp. 179–186. DOI: 10.1111/1468-2451.00122
- Castles S. (2003) Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation. *Sociology*, vol. 1, no 77, pp. 13–34. DOI: 10.1177/00380385030307001384
- Castles S. (2004) The Factors that Make and Unmake Migration Policies. *International Migration Review*, vol. 3, no 38, pp. 852–884. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00222.x
- Castles S. (2009) Development and Migration-migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences. *Theoria*, vol. 56, no 112, pp. 1–31. DOI: 10.3167/th.2009.5512102
- Castles S. (2010) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1565–1586. DOI: 10.1080/1369183X.2010.489381
- Chudnovskikh O.S. (2001) Current migration accounting in Russia: quality assessment and search for alternatives. *Migration in the CIS and the Baltic States: Through Differences of Problems to a Common Information Space*. Proceedings of the conference, 8–9 September 2000 (eds. Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zh.), Saint Petersburg: Adamant, pp. 187–215 (in Russian).
- Chudinovskikh O.S. (2018) Big Data and Statistics of Migration. *Voprosy Statistiki*, vol. 2, no 25, pp. 48–56. Available at: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/629/545>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Connell R.W. (1997) Why Is Classical Theory Classical? *American Journal of Sociology*, vol. 102, no 6, pp. 1511–1557. DOI: 10.1086/231125
- Degtyareva O.S., Semenova E.S. (2022) Problems of Statistical Assessment of Migration. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, vol. 61, no 3, pp. 35–40 (in Russian). DOI: 10.47581/2022/IE.3.61.06
- Discussion on Mr. Ravenstein's Paper (1885). *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no 2, pp. 167–235.
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1. Available at: https://www.amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Daedalus_Wi2000_Multiple-Modernities.pdf, accessed 15.10.2023.
- Fedotova V.G. (2018) Socio-cultural Images of Modernization of the Late XX – Early XXI Century: Russia and the World. *Philosophy and Modernity*, no 2, pp. 59–73 (in Russian). DOI: 10.17805/zpu.2018.2.6

- Gabarta A. (2018) Concepts of “Capitalism Diversity” on the Example of Poland. *Contemporary Europe*, no 7, pp. 141–151. Available at: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2018/7-2018/12.pdf>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Galbraith J.K. (1958) *The Affluent Society*, London: Hamish Hamilton.
- Glick Shiller N. (2023) Connecting Place and Placing Power: A Multiscalar Approach to Mobilities, Migrant Services and the Migration Industry. *Mobilities*, vol. 4, no 4, pp. 677–690. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450101.2023.229051>, accessed 15.10.2023.
- Gramsci A., Hoare Q., Nowell-Smith G. (1971) *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*, London: Lawrence & Wishart.
- Harris J.R., Todaro M.P. (1970) Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *The American Economic Review*, vol. 60, no 1, pp. 126–142. Available at: <https://www.aeaweb.org/aer/top20/60.1.126-142.pdf>, accessed 15.10.2023.
- Heath J. (2020) *Methodological Individualism*. *Metaphysics Research Lab*, Stanford University.
- International Migration Report (2017). *United Nations*. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf, accessed 15.10.2023.
- International Migration Statistics: Organization and Operation Recommended Standards Sampling (1953). *Statistical papers*. Series M. 20. New York: Statistical Office of the UN, Department of Economic Affairs.
- Iontsev V.A. (1999) *International Migration: Population: Theory and History of Study*, Moscow: Dialog-MSU (in Russian).
- Kalashnikov L.I. (ed.) (2018) *CIS and Modern Migration Policy*, Moscow: Publication of the State Duma (in Russian).
- Klimov S.N., Setin A.N. (2022) Internal Migration as a Causal Determinant of Precariat Formation. *Society: Philosophy, History, Culture*, no 1, pp. 23–27 (in Russian). DOI: 10.24158/fik.2022.1.2
- Kondakov A. (2015) Possibilities of Interaction between Actors in Migration Policy. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no 4, pp. 174–185. Available at: http://jourssa.ru/files/volumes/2015_4/Kondakov_2015_4.pdf, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Kraut A.M. (1982) *The Huddled Masses, the Immigrant in American Society, 1880–1921*, Arlington Heights, IL: Harlan Davidson.
- Kuprina T.V., Sandler M. (2015) Common and Specific Features of Migration flows in Russia, CIS, and Far Abroad. *Region Economy*, no 2, pp. 194–207. DOI: 10.17059/2015-2-16
- Kwa C. (2011) *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*, University of Pittsburgh Press.
- Latynina N.A., Latynin D.A. (2018) Analysis and Assessment of the Impact of Migration in the Russian Federation on GDP and Unemployment. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, vol. 31, no 5, pp. 63–75. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-vliyaniya-migratsii-v-rf-na-vvp-i-bezrabotitsu.pdf/viewer>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Levitt P., Glick Schiller N. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *International Migration Review*, vol. 38, no 3, pp. 1002–1039. Available at: <https://globaldecentre.org/wp-content/uploads/2020/07/Levitt-Glick-Schiller-Conceptualizing-Simultaneity-A-Transnational-Social-Field-Perspective-on-Society.pdf>, accessed 15.10.2023.
- Lisitsyn P.P. (2009) Sociological Analysis of Trends in Migration Policy of the Russian Federation. *Vestnik of St. Petersburg University*, Series 12, vol. 2, no 1, pp. 124–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-tendentsiy-migratsionnoy-politiki-rf>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Lisitsyn P.P., Rezaev A.V., Stepanov A.M. (2024) Balances in the Migration Theories. *Journal of Economic Sociology*, vol. 25, no 1, pp. 137–160 (in Russian). DOI: 10.17323/1726-3247-2024-1-137-160

- Malthus T.R. (1798) *An Essay on the Principle of Population as It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin M. Condorcet and Other Writers* (1 ed.), London: J. Johnson in St Paul's Church-yard.
- Massey D. (1999) Why Does Immigration Occur! A Theoretical Synthesis. *The Handbook of International Migration: The American Experience*, pp. 34–52. Available at: https://eportfolios.maccollay.cuny.edu/pony2014shama/files/2014/02/Kaczmarczyk_Reading-1.pdf, accessed 15.10.2023.
- Massey D. (2002) A Brief History of Human Society: The Origin and Role of Emotion in Social Life, 2001 Presidential Address. *American Sociological Review*, vol. 67, pp. 1–29. Available at: https://www.asanet.org/wp-content/uploads/2001_asa_presidential_address_massey_0.pdf, accessed 15.10.2023.
- Massey D. (2003) Patterns and Processes of International Migration in the 21st Century. *Conference on African Migration in Comparative Perspective*, pp. 1–41.
- Massey D. (2004) Social and Economic Aspects of Immigration. *New York Academy of Sciences*, vol. 1038, pp. 206–212. DOI: 10.1196/annals.1315.028
- Massey D., Akresh I. (2006) Immigrant Intentions and Mobility in a Global Economy: The Attitudes and Behavior of Recently Arrived U.S. Immigrants. *Social Science Quarterly*, vol. 87, pp. 954–971. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00410.x
- Meehan T.D., Saunders S.P., DeLuca W.V. et al. (2022) Integrating Data Types to Estimate Spatial Patterns of Avian Migration across the Western Hemisphere. *Ecological Applications*, vol. 32, no 7, pp. e2679. DOI: 10.1002/eap.2679
- Merton R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*, New York: The Free Press.
- Mkrtychyan N. (2007) Statistical Sources of Information on Population Migration in Russia. *Methodology and Methods of Studying Migration Processes. Interdisciplinary Study Guide*, Moscow: Center for Migration Studies, pp. 184–209 (in Russian).
- Parsons T. (1979) On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 7, no 1, pp. 5–16.
- Piore M.J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. (1973) Modernity and Development: A Critique. *Studies in Comparative International Development*, vol. 8, pp. 247–279. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF02800432>, accessed 15.10.2023.
- Portes A. (1978) Toward a Structural Analysis of Illegal (Undocumented) Immigration. *International Migration Review*, vol. 4, no 12, pp. 469–484. DOI: 10.2307/2545446
- Portes A. (1997) Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities. *International Migration Review*, vol. 4, no 31, pp. 799–825. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/019791839703100402>, accessed 15.10.2023.
- Portes A. (2001) Introduction: The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism. *Global Networks*, vol. 1, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1111/1471-0374.00012
- Portes A. (2003) Conclusion: Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism. *International Migration Review*, vol. 3, no 37, pp. 874–892. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2003.tb00161.x
- Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 10, no 36, pp. 1537–1563. Available at: <https://www.migrationinstitute.org/files/events/portes.pdf>, accessed 15.10.2023.
- Portes A., Böröcz J. (1989) Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on Its Determinants and Modes of Incorporation. *International Migration Review*, vol. 3, no 23, pp. 606–630. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2546431?typeAccessWorkflow=login>, accessed 15.10.2023.
- Prebisch R. (1950) *Theoretical and Practical Problems of Economic Growth*, New York.
- Ricardo D. (1815) *An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock*, London: Albemarle Street.
- Ryazantsev S.V. (2016) Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis. *Valdai Papers*, no 55, pp. 1–19. Available at:

- <https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-55-labour-migration-from-central-asia/>, accessed обращения 15.10.2023.
- Ryazantsev S.V. (2019) Does Russia's Migration Policy See a Person? (Anthropological Dimension of the Russian Migration Policy). *Bulletin of TSU*, no 59, pp. 167–177 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/22
- Ryazantsev S.V., Mishchuk S.N. (2020) Approaches to Accounting for Citizenship and Ethnicity of Migrants in Russia. *Science Review*, Series 1, no 5, pp. 18–31 (in Russian). DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-02
- Shorokhova S.P. (ed.) (2019) *State Migration Policy of the Russian Federation*, Moscow: Institute of World Civilizations (in Russian).
- Skeldon R. (2006) Interlinkages between Internal and International Migration and Development. *Asian Region. Population, Space and Place*, no 12, pp. 15–30. DOI: 10.1002/PSP.358
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 173–178. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-new-economics-of-labor-migration-Stark-Bloom/63dd904d64b11a20400309e54d0c14d687cce026>, accessed 15.10.2023.
- Stern C. (1988) *Some Methodological Notes on the Study of Human Migration*. *International Migration Today*, Bélgica, UNESCO, University of Western Australia, Centre for Migration and Development Studies.
- Tereshchenko O.V., Grin' M.V. (2021) Globalization Processes of Modernity and Sustainable Development. *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, no 9, pp. 62–64 (in Russian). DOI: 10.23672/n8405-0678-8860- wp
- The State Duma Hosted a “Government Hour” with the Participation of the Head of the Federal Agency for National Affairs Igor Barinov (2023). *State Duma of the Russian Federation*, May 24, 2023. Available at: <http://duma.gov.ru/news/57139/>, accessed 15.10.2023 (in Russian).
- Todaro M.P. (1976) *Internal Migration in Developing Countries*, Geneva: International Labor Office.
- Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*, University of California Press.
- Wimmer A., Glick Shiller N. (2002) Methodological Nationalism and Beyond: Nation-state Building, Migration and the Social Sciences. *Global Networks*, vol. 2, no 4, pp. 301–334. DOI: 10.1111/1471-0374.00043
- Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever until It Was no More. The Last Soviet Generation*, Princeton University Press.
- Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*, vol. 61, no 2, pp. 219–249. DOI: 10.2307/213996
- Zinkina Y.V., Korotaev A.V., Andreev A.I. (2014) The Structure of the Global Migration Network and the Dynamics of Changes in the World-system. *Bulletin of Moscow State University: Globalistics and Geopolitics*, no 1, pp. 18–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-globalnoy-migratsionnoy-seti-i-dinamika-izmeneniya-mir-sistemy/viewer>, accessed 15.10.2023 (in Russian).